

Оттепель... Близкие сердцу окрестности...
Вновь обиваю проотчий порог...
Здесь колыбель, а не зона оседлости!
Родина... истина... святой чертог!..

Эх, голытьба! Во дворах да в околицах!
Лишь старики у окошек сидят...
Гряды пусты — оттого беспокоится...
Живы Землёй: от ногтей и до пят!

Поле совсем исхудало от холода:
Сплошь оголённые рёбра борозд...
В воздухе — изморозь... с привкусом солода...
И над просторами — пасмурный холст...

Галки штурмуют смурное безмолвие —
В серости ищут небесную синь...
Нет — не изящество... нечто весомее!..
Что-то, с чего начинается жизнь!

Утро густыми туманами пенится,
Выпали росы на заспанный луг...
Ветер, запутавшись в лопастях мельницы,
Чертит порывами замкнутый круг.

Соком точит на берёзе отметина,
Листья бросаются под ноги с крыш...
Всё-таки вспомнила! Всё-таки встретила
Некогда щедро вскормившая тишь!..

Дали ухожены, тропы исхожены,
Виды намолены в святой любви!
Всем здесь покой: и своим, и непрошеным...
Но возвращаются только свои!

Радости слёзы умыли прощением...
Вечность разлила небесную синь...
Так, по пятам за былым поколением
Я возвращаюсь наследовать жизнь!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тишь деревни не посмею потревожить.
Каждый двор свои объятья распротёр...
“С возвращением!” — хвостом махнула лошадь,
Клубом дыма поприветствовал костёр.

Сеть тропинок разрослась во все четыре,
Мне отрадно и тоскливо... не впервой...
Здесь и дышится, и чувствуется шире
Средь величия раскинувшихся хвой.

Расцвели в запруде жёлтые кувшинки,
Белым соком светел яблоневоый плод...
Деревянный крест встречает на развилке,
А вокруг ветра сроднились в хоровод.

Ближе к дому — и рубаха к телу ближе,
Образ матери сквозь серый омут слёз...
“С возвращением...” — встревожило затишье...
Укоризна?..

Ликование?..

Вопрос?..

Не вспомню: дышалось ли некогда чуточку легче?
Не тишь, а страшная немость... Взывай — не вызывай!
Осудит меня за печали всевышнее Вече...
Но примет заблудшую память отеческий край!

Домой!.. Восвояси, где здравый порядок житейский,
Где лихо ночи отпугнёт на рассвете петух.
В залатанной глиной печи всё дровишки да трески,
Хрустят, усмиряя мой суетный нор и дух.

Отмыла от нечисти банька, что паром сырая,
И чистому телу рубаха сошла в аккурат!
Берёзовый лист, на горячих камнях догорая,
Грудь даровал земляничный блажной аромат!

И горы осыпались с плеч и воспрянули плечи...
Равнинная ширь приняла мою суть без прикрас.
Легко... Не припомню, дышалось ли некогда легче?..
И канула немость... И слышен спасительный глас!..

* * *

Девятым деньком после Пасхи как должно: солнце,
И хочется красить цветами холодный гранит!
Всё больше и больше в истории нас остаётся,
Как должно: добрую память наследник почитит.

Девятым деньком после Пасхи столицу покину,
Проотчие тропы раскинутся свежей травой.
Я лучший кусок пирога отнесу на могилу...
...Как будто избавлен от голода каждый живой!..

Протру намогильную рюмку, оставив пустою,
И вспомню судьбу нечужого, который молчит.
Всё ладное — в повесть скрою, а неладное — скрою,
Глотая комок ностальгии, что в горле горчит.

На кладбище мне неспокойно, неясно и немо.
Как будто взяла не своё, да забыла вернуть...
“Не быть или быть”? — здесь для всех разрешима дилемма:
Постигшим — покой, а живущим — прискорбие в грудь.

А помнишь ли, милая, вместе сюда приходили?..
Я в детских ладошках несла золотистый песок...
Сияет без жалости желтый наряд на могиле,
Где имя твоё и отпущенный Господом срок!..

Кукушка утихла. И я застываю в покое,
И катятся слёзы от грешной гордыни тайком.
Как должно: солнце и горстка песка на ладони,
Никто не забыт... после Пасхи... девятым деньком.